

Евгений Сафронов

Коммунальный юродивый

рассказ

По серой бетонной стене пробежала шустрая человеческая тень. За ней проехала маленькая фигурка автомобиля – крышей вниз, колесами вверх. Юрка Колокольцев улыбнулся и прислонился полукругом позвоночника к холодному чугуну трубы, по которой вот уже лет двадцать уходили в небытие жизненные отходы обитателей девятиэтажки.

Он открыл для себя подвальные «кинофильмы» еще десятилетним мальчишкой. Как-то вместе с другом Лешкой, учившимся в параллельном коррекционном классе, они в очередной раз забрались в подвал: под ступенями подъездного крыльца у них располагался штаб – тайная комната, о которой знали только посвященные, то есть он да Лешка. С помощью железного совка, ножика и дырявого ведра они вычистили штаб от бетонной пыли и мусора, затащили туда картонки и старое одеяло, сворованное из родительской кладовки. И потом почти два дня не вылезали оттуда, наслаждаясь всесилием дворовых богов: сквозь щели ступеней они видели всё, а об их подглядывании никто не догадывался.

У новоявленных шпионов дух захватывало от потрясающего ракурса, открывавшего совершенно по-новому играющих «в резиночки» девчонок. Восемилетние пигалицы прыгали у подъездной лавочки, пытаясь не задеть белую резинку. А Юрка с Лешкой без зазрения совести пялились снизу на мелькавшие из-под юбок и платьев разноцветные трусики.

Правда, это занятие им быстро осточертело, и вот как-то, вытаскивая задеревеневшее тело из штаба, Юрка мельком взглянул на серую стену подвала и замер. Его друг, который пытался просунуться вслед за ним, недовольно заворчал. Колокольцев инстинктивно отодвинулся, и сразу же показалась непричесанная голова его сотоварища. Лешка сначала не заметил движущихся фигур, но застывший взгляд Юрки был так красноречив, что и он узрел невиданное.

С тех пор они часто сидели у стены и любовались игрой света и теней. Мальчишек совсем не интересовало, как и почему получалось так, что сквозь зарешеченные подвальные оконца реальность пробива-

лась в столь причудливом, перевернутом виде. Их захватывал сам процесс: вот идут соседки с колясками; их глухие голоса подвал превращает в таинственные звуки на непонятном языке. Тени, перевернутые головами вниз, скользят по подвальному «экрану» всего пару секунд, а затем их сменяют силуэты машин, верхушки колыхающихся деревьев и быстрые фигурки летящих птиц.

Маленьким зрителям подвальные «мультики» не надоедали никогда. Они даже оборудовали свой зрительный зал мягкими картонками, обнаруженными на местной свалке.

– Да, хорошие были времена, – бормочет Колокольцев и старается вспомнить овальное бледное лицо Лешки из коррекционного класса. Что с ним случилось за прошедшие десятилетия? Куда он делся после того, как семья Юрки переехала на другой берег Волги?

Первое, что Колокольцев сделал в подвале своей девятиэтажки, где он жил уже лет десять, – нашел-таки подвальный «кинозал». Вообще-то, Юрка полагал, что таинственный театр теней можно увидеть в каждом многоквартирном доме, надо просто хорошо поискать место «трансляции».

Конечно, тот, детский, их кинозал был намного лучше. По крайней мере, так всегда казалось Колокольцеву.

– В детстве всё лучше – и деревья больше, и конфеты слаще, – улыбаясь, говорит сам себе Юрка и прислушивается к шепоту элеваторного узла. В его девятиэтажке – три подъезда и под каждым – свой элеваторный узел. Три бьющихся по-разному многоквартирных сердца, от которых куда-то ввысь устремляются трубы-сосуды. А затем – по обратке – остывшая кровь-вода снова возвращается в элеваторный.

Юрка давно привык говорить сам с собой: подвал располагает к размышлениям вслух.

– Нижняя ХВС немного подкапывает, – бормочет он и нежно гладит трубу, по которой в каждую квартиру третьего подъезда бежит поток холодной питьевой воды. Он мысленно проходит весь ее нелегкий путь: вот на водозаборе – оголовке, торчащем далеко от берега, всасывается желтоватая взвесь волжской воды. Затем, преодолев многочисленные фильтры водоканала, всю эту алхимию песочно-хлорной очистки, поток пересиливает сотни километров и изгибов недавно замененных или насквозь проржавленных труб.

– И вот она приближается к дому, идет-идет, бежит-звенит – и сюда. К нам. Дальше-дальше, наверх-наверх, – шепчет Юрка и снова гладит влажный водоносный сосуд третьего подъезда.

В доме отродясь не водилось старшего. Молодым жильцам всегда было некогда: они ходили в детсады, школы и на работу. А пожилые – смотрели телевизор, получали мизерную пенсию и ругали окружающую жисть. Про Колокольцева знали многие, но всё как-то мельком да едва-едва.

– Чегой-то наш дурачок опять полез в подвал! – бывало, говорила Роза Ибрагимовна своей соседке Свете со второго подъезда.

– А пусть его! – махала рукой сорокалетняя Света, кассирша «Магнита» и мать двоих сыновей-троечников. – Вреда-то нет.

– Вреда нет! – соглашалась Ибрагимовна, прихлебывая соседский чай. – Да только и пользы не видно. Кто знает, чего он там копошится дни напролет? Может, в ЖЭУ пожаловаться?

– Да их вживую никто и не видал – этих, из управляющей компании которые, – беспечно отзывалась мать двоих детей, подправляя черным карандашом тонкие, вскинутые кверху полумесяцы бровей. – А Колокольчик наш хоть хулиганов в подвал не пускает: они его побаиваются.

– Боятся, да. Потому что он ходит и бормочет себе что-то под нос. Я и сама-то иной раз пугаюсь из-за него. Из ниоткуда рисуется – как тень на стене, ей-богу. И ходит ведь не слышно, будто кошка.

– Ага, – Света широко зевает: ей наскучило говорить про незаметного дурачка Колокольцева. – Тебе чего из магазина вечером принести?

– Хлеба да молока, – отвечает Ибрагимовна. – До пенсии надо еще дотянуть – тут уж не до печений и кофию...

Никто в доме и не подозревал, во что превратился подвал за десятилетие Юркиной тихой возни. Много раз Колокольчик представлял, как он торжественно проводит экскурсию по своему царству – для того единственного воображаемого гостя, который неожиданно очень заинтересовался бы каждой деталькой подвальной жизни.

Началось всё с тех же мультфильмов: сначала ему захотелось просто продлить свои «сеансы». Долго на картонках и старых коробках не просидишь, а тут – удача: в первом подъезде случился переезд, въехала молодая зажиточная семья армян. Они выставили у мусоропровода запыленный диван и кресла прежних хозяев, и вечером того же дня это богатство перекочевало в Юркин подвал.

Потом расформировали местное военное училище, окна которого серели недалеко от перекрестка, где располагался «Магнит» соседки Светы. Из бывшего училища вынесли на местную свалку целую бата-

рею старых, полусломанных стульев. Юрка полдня таскал их в подвал, а затем доводил до ума: где подкрасить, где подкрутить. А тут – снова удача: после выборов меняли рекламный баннер на перекрестке, и Колокольцев выпросил у рабочих полотно с огромным лицом лысого кандидата, сулившего избирателям что-то несбыточно-привлекательное. Подвальный хозяин обтянул добротным материалом баннера потрескавшуюся поверхность курсантских стульев, и те зажили новой, гражданской жизнью. Так у Колокольчика образовался полноценный кинотеатр.

Дальше – больше. Сверкающее великолепие почти новых зрительских кресел слишком противоречило убогой серости бетонных стен и вонючей земляной полутверди под ногами. Целый год Юрка копил силы и средства: он тогда еще работал электромехаником в «лифтерной» – небольшой компании, занимающейся ремонтом безнадежно устаревших лифтов.

На местной свалке, которую он любовно именовал «эльдorado», частенько обнаруживались самые нужные стройматериалы – то баночка еще годной краски, то остатки пластиковых панелей, а то – о, подвальные боги! – металлические решетки и ручки от старых оконных рам. Ничего зря не пропадало – всё шло в дело.

Однако до развода ему приходилось туговато: жена эту подвально-свалочную жизнь совсем не одобряла.

– Опять тебя видели на помойке! – не раз шептала ему на кухне худощавая Ленка, боясь разбудить тогда еще маленькую Пусю, их дочку. – Постыдись, Юра! Что же ты нас позоришь, юродивый ты этакий!

Колокольчик смотрел прозрачно-синими глазами на ее потертый халатик, наблюдал, как от злости судорожно поднимаются ее остренькие груди, и покорно молчал. Ленку он боялся – как и вообще всех женщин, которые кричали и ругались на него. Сначала это была его мать, иногда совсем не больно бившая его по голове тоненькими ручками – из-за плохих оценок или потому, что в очередной раз бесследно пропала его вторая обувь. Затем – учительница по биологии, которая любила вызывать его к доске и сверлить строгим взглядом. У доски он обычно молчал, смотрел на ноги одноклассников и размышлял о том, какие же разные бывают на свете ботинки, и о тех чудесных узорах, в которые складываются трещинки старого школьного линолеума.

Ленка училась в параллельном классе и была на год старше. Во время ссор – а они перед разводом стали случаться почти каждый день – она кричала: «Я тебя, дурачка, из жалости подобрала!». И Юрка,

смотря на ее халатик, не смел даже кивнуть головой, хотя был полностью согласен с ней.

Конечно, из жалости! Ведь если бы она его тогда не взяла «на руки», не стала помогать, тянуть по учебе – он, может, и школу бы не закончил. По крайней мере, про это ему твердили все учителя.

Ленка же с детства была такая – подбирала на улице щенят и котят, кормила их, расчесывала им шерстку. Правда, недолго: у нее ведь аллергия и на шерсть, и на запах, поэтому ее мать, улучив момент, куда-то сплавляла найденышей. Вот и на Юрку Ленкиного терпения хватило лет на восемь в общей сложности: два года в школе и шесть – после того, как поженились.

Зато его любила Пуся. Вообще-то, жена запрещала ему так называть дочку: в свидетельстве о рождении ее имя обозначалось как «Наталия». Колокольчик же умудрялся ежедневно придумывать ей новые прозвища: Пухленьш, Кукосик, Стряся, Наля, а чаще всего – Пуся. Только ее, Пусю, он и допускал до сокровенных тайн подвала.

Дочке это очень нравилось, но лишь лет до семи. После развода она всё реже приходила в его «однушку», а от подвального царства Колокольцева и вовсе воротила свой пухленький носик.

А ведь как раньше было хорошо! Как хорошо было, когда вдруг в полутемноте подвала раздавался ее звонкий голосок: «Папа? Ты здесь? Мама меня отпустила погулять! А в подвал сказала не ходить. А мы ей не скажем! Правда?». От радости он смеялся, брал ее за руку и вел, переступая через сплетенья труб, в святая святых – свой кинотеатр. Он сажал дочку на самое лучшее место – третье кресло во втором ряду, и они вместе смотрели «мультики». Это были самые лучшие моменты его жизни.

Но потом всё изменилось. Жена ушла, забрала дочку. Пуся выросла в Наталию, и к отцу совсем перестала приезжать...

Колокольцев обвел глазами покрытые белым пластиком стены подвала, сухой бетонный пол и новые трубы. Каждая из них – словно ребенок для него. Трубы ГВС и отопления любовно обернуты в блестящий изоляционный материал; все вентили – новые; возле каждого из них маркером нарисована цифра этажа и квартиры, чтобы любой специалист – например, из аварийной бригады – знал, где, что и как. Не нужно теперь отключать весь дом, – лишь стояк. Он обновлял и менял здесь что-то почти каждый день, он чувствовал себя директором большого предприятия – завода по производству коммунальной жизни...

Приближался вечер. Юрка всё реже теперь поднимался на свой третий этаж, а ночевал в подвале. Тут было намного уютнее: мягкий диван, свежий воздух, совсем не пахнувший подвалом. Крыс, тараканов и прочую нечисть он давным-давно выгнал из своих владений. Собственная квартира представлялась ему чужой, а здесь, под полом первого этажа, он чувствовал себя, как в животе у мамы.

– Елена Николаевна, извините, конечно, что беспокою вас, – Ленка сразу узнала голос Ибрагимовны – уж больно та смешно пришептывала. – Я звоню вам, потому что только вы сможете хоть как-то повлиять на него...

– На кого, Роза Ибрагимовна? – спросила мать Пуси, хотя, конечно, сразу догадалась, о ком речь.

– Да на мужа вашего бывшего – Колокольчика непутевого... Ой, извините, – спохватилась их бывшая соседка. – Это у меня случайно вырвалось – мы уж привыкли его «Колокольчиком» звать. Ведь вы в курсе его ситуации?

– Н-нет... – испуганно протянула Лена. – Что случилось?

– Так ведь он вообще не платит за квартиру и коммуналку уже года два! Совсем сбрендил со своим подвалом. А вы знаете, что его уволили?

– Н-нет, – Пусина мама совсем растерялась: честно говоря, она уже как-то отвыкла думать о Колокольцеве и его проблемах – особенно после того, как года два назад вышла замуж за Головина – замдиректора местной гимназии, солидного и основательного бородача.

– Вот, я так и думала. Ведь там уж долгу за сто тысяч перевалило. Его и от воды, и от электричества отключили. Говорят, он вообще теперь из своего подвала не выходит. А ведь от отопления его не отключишь – и за него всем остальным приходится платить! Знаете, какие у нас ОДН набегают? Ради Бога, Елена Николаевна!

Лена открыла знакомую коричневую дверь своим ключом. В коридоре квартиры вроде бы ничего не изменилось, зато пахло как-то незнакомо – чем-то нежилым и забытым. На улице была уже плюсовая температура, но снимать верхнюю одежду бывшей жене Колокольцева совсем не хотелось.

Какое-то тревожное чувство заставило ее ускорить шаги. Зайдя на кухню, Ленка ахнула и прикрыла рот рукой: разбитое окно болтается на одной створке; обеденный стол устилают прошлогодние листья. Из холодильника тянет невымытой пустотой.

Еще раз окинув хозяйским взглядом кухню, она заглянула в ванную и туалет (ободок унитаза успел покрыться зеленой дрянью), а затем пошла в зал. Остальные окна еще целехоньки, но женщину это нисколько не успокоило.

– В подвале он, точно в подвале, – бормотала она, спускаясь по подъездным ступеням. – Где ему еще быть, шути гороховому...

Подвальная дверь оказалась закрытой изнутри. Лена этому не удивилась: Колокольчик часто так делал. Она подошла к одному из подвальных продухов и, поморщившись, наклонилась к оконцу:

– Юрка! Я знаю, что ты там. Открой мне, это Лена!

Дверца распахнулась еще до того, как она вернулась к спуску в подвал. Она ожидала, что он выйдет к ней, но Колокольчик не показывался, и бывшая супруга, вздохнув, стала спускаться в полумрак.

Глазам не пришлось долго привыкать, потому что везде горели желтые лампы. Лена, застыв, осматривалась кругом и не верила своим глазам. Стены и потолок сверкали офисной белизной пластиковых панелей. На бетонном полу – линолеум, попадались и участки с ламинатом. Трубы весело и по-новому блестели теплоизоляцией; вентили краснели и синели, как бы приветствуя долгожданную гостью.

Она прошла дальше, стараясь не задеть головой потолок и трубы. Подвальные проходы-арки украшали пульсирующие зелено-синим светодиодные гирлянды: вероятно, они после очередных новогодних праздников перекочевали в местное «эльдорадо», а затем в Колокольчиковы владения. Еще через несколько шагов ей попались многочисленные полки, стеснительно прикрытые ширмами и шторочками. На них – различные инструменты, деревяшки, банки с краской и металлолом. Всё аккуратно рассортировано, всё наверняка пригодится для дела.

– Юра! – хриплым голосом позвала гостя. – Где ты?

Что-то эхом откликнулось на ее призыв – из самой глубины таинственного царства. Она, помедлив, двинулась дальше, захваченная сказочностью происходящего. Когда-то в детстве, в полусне, она воображала себя пленницей разбойников, которые вели ее по своей удивительной пещере, полной награбленных сокровищ. Сейчас это детское чувство ненадолго вернулось к ней, и Лена шла, совсем не замечая того, что ее губы то и дело растягиваются в глупую счастливую улыбку.

Он сидел в первом ряду своего зрительного зала и смотрел на сероватый прямоугольник бетонной стены. Она присела рядом, и Юрка, едва качнув ей головой, продолжил пялиться на свой «экран».

– Юра, я...

– Постой! Сейчас самое интересное! – прошептал он с той интонацией, которая появляется у ребенка, когда родители пытаются отвлечь его от захватывающего фильма. – Смотри туда.

Бывшая жена Колокольчика мельком взглянула на экран и только тут заметила темноватые тени, скользящие по стене. Перевернутые вниз головами люди, вытянутые фигурки птиц и машин...

– Правда, хорошо? – снова зашептал Юрка. Но сознание Лены уже начало возвращаться к повседневному ритму: детские воспоминания о пещере разбойников поблекли и растворились в мыслях о зеленом ободке унитаза и многотысячном долге.

– Юра! – строго произнесла гостья. – Ты когда последний раз поднимался к себе? Ты хоть знаешь, что у тебя там творится? И почему ты не платишь за квартиру?

Колокольчик опустил глаза и привычно начал искать трещины в полу.

– О Господи, горе луковое! – бывшая жена откинулась на спинку зрительского стула. – Я уж отвыкла от общения с тобой: ему говоришь, а он молчит...

– А Пуся не пришла?

– Какая Пуся! – взорвалась Ленка. – Она и не помнит про тебя, дурака! Ты хоть в курсе, сколько ей лет исполнилось?

– Тринадцать... – пробормотал Колокольчик тем самым виноватым тоном, которым он, бывало, отвечал на уроках биологии у доски.

– Тринадцать, – передразнила его бывшая супруга. – Да, тринадцать! И приходишь ей к тебе нечего – у нее есть нормальный отец. И благодари Бога, что я алименты от тебя не требую – да и что требовать с такого юродивого...

Они помолчали. Спектакль из света и теней продолжался; антракт там начинался только глубокой ночью.

– Ну что прикажешь делать? Мне, может, за тебя долг заплатить? Почему тебя уволили?

– Меня не уволили... – Колокольчик стеснительно поднял бесцветные глаза; его щеки, покрытые светлой порослью, порозовели. – Я теперь в другом месте работаю – в компании, которая мусор вывозит.

– Ой ли? – с сомнением произнесла строгая гостья. – А куда ж ты деньги-то деваешь? Ты, наверное, и не ешь по-человечески!

– Кушаю я в столовой, – тихо ответил хозяин подвала. – Тут неподалеку. А деньги – сюда вот всё. Тут покупать много чего надо.

Юра обвел глазами свои подвальные владения, но тут же снова опустил их к трещинам в линолеуме.

– Надо? Кому это надо? Ты что думаешь: тебе премию выпишут за то, что ты тут из подвала офис сотворил? Или ты ждешь, что к тебе телевидение приедет: «Вот полюбуйтесь, какой у нас Юра Колокольцев молодец! Везде порядок и красота!». Да только вот в квартире у него все мыши удавились, и окно на кухне всю зиму разбитое проболталось. Вот это его нисколько не волнует!

– Не надо телевидения! – вдруг испугался Колокольчик и даже привстал со стула. – Это не для них, это для меня, мне надо.

– А дочку с женой тебе не надо? А жизнь тебе нормальную не надо?! – закричала Лена и замахнулась на него рукой. Гулкое, тревожное подвальное эхо многократно отразило ее крик, и рука невольно замерла на полпути.

Они замолчали, и оба, не сговариваясь, взглянули на экран, где шел тот же спектакль. Гостья вздохнула, обняла за шею бывшего мужа и притянула его лысеющую голову себе на плечо.

– Колокольчик ты мой непутевый! И как ты только такой уродился? Ведь и родители у тебя были хорошие люди, и учились мы вроде в одной школе... Платить-то будешь или нет?

Юрка закивал в ответ.

– Ведь засудят тебя, последние портки продадут и еще из квартиры выкинут. Понял? Сгинешь ты со своим подвалом, вот что я думаю. Ладно, – она отстранила его от себя, быстро встала и, щелкая по линолеуму и бетону каблуками, пошла к выходу. Хозяин подвала провожал ее бесцветным, тоскующим взором: он искренне желал, чтобы она осталась, и в то же время ему почему-то очень хотелось побыть одному.

– А про Наташку, Пусю, как ты ее называешь, – даже думать не смей, слышишь? – сказала ему Лена, внезапно остановившись у арочного прохода. – Она тебя, слава Богу, почти забыла уже. Нечего ей к такому отцу ходить. Живи как хочешь, – а нас не втягивай в свою... подвальную жизнь.

Затем она простучала каблуками еще несколько пролетов и, скрипнув дверью, ушла к своему замдиректору местной гимназии. Юрка еще некоторое время думал о странной гостье, гладил ладонью

стул, сохранивший тепло ее тела, а затем посмотрел на экран. Приближался вечерний эпизод великого спектакля, и Колокольчик вскоре позабыл обо всем, захваченный любимым зрелищем.

На этот раз реакция управляющей компании была необыкновенно быстрой. Даже в аварийных ситуациях, которых, кстати, в доме не случилось уже много лет, специалистов УК никто никогда не мог дожидаться. Приезжала «аварийка», бригада что-то меняла, подкручивала и – всё. От самой управляющей компании не было ни слуху ни духу.

Сейчас же реакция была совсем иной.

– Как так сам меняет? Какие пластиковые панели в подвале? А если пожар? Кто ему разрешал? Его кто-то старшим выбирал? Проверим, обязательно проверим! – отвечал авторитетный голос начальника участка Розе Ибрагимовне. Рассказ о том, что жена Колокольчика увидела в подвале, очень встревожил соседку Юрки: «А правильно ли это всё? А можно ли?!». Вот она и позвонила в родную УК.

Информация о случившемся быстро дошла до самого директора управляющей компании, который, видимо, и распорядился о скорейшей проверке.

– Да там он, там! – говорила Ибрагимовна двум парням в синих спецовках, приехавших на «УАЗике»-«буханке». – Он всегда изнутри запирается и сидит день-деньской. И даже ночует там – как сыч, ей-богу.

– И что же – нам дверь ломать? – пожимал плечами один из приехавших – с черными усиками под самым носом.

– А почему бы и не сломать? – отзывалась соседка Юрки. – Может, он там набедокурил чего или сбрендил совсем! А мы тут живем, между прочим, – я и спать теперь по ночам не смогу, зная, что он натворил в подвале.

– Ладно! – согласился коллега усатого. – Потом замок навесной сделаем. Неси лом.

Колокольчик слышал голоса за дверью, но не связывал их с собой и своим подвалом. Мало ли что происходит там, снаружи? К нему и его миру это отношения не имеет, поэтому он молча занимался своим делом – ремонтировал временно отключенный стояк с ХВС, тот, что немного подкапывал. Затем раздались глухие удары.

– Свети давай! – говорил усатый своему напарнику. – И как этот черт здесь видит что-то: света-то нет! И впрямь смотри: панели пла-

стиковые, а на полу-то – ламинат! Вот хрен, никогда такого подвала не видел. А это что еще за иллюминация?

Парни в синих спецовках устали на переливающиеся гирлянды возле арочного прохода.

– Во дает! – присвистнул один из неожиданных гостей. – Он тут точно живет: смотри и диван, и полочки, а тут что? Это же целый конференц-зал!

Колокольчика они в тот раз так и не нашли, хотя обыскали весь подвал. Ибрагимовна, спустившаяся-таки в Колокольчиково царство, только охала и всплескивала руками, поражаясь тому, что сделал незаметный дурачок за годы подвальной жизни. Как включить свет, сотрудники УК к тому времени сообразили и, покачивая головами, тоже ходили по подвалу, словно по краеведческому музею.

Через три дня к дому подкатил тот же «УАЗик», и из него вышли четверо в синих спецовках – двое из тех, что уже приходили, и двое поопытнее-постарше. Оказалось, что навесной замок куда-то делся, а засов изнутри кем-то восстановлен. Из-за этого им пришлось повозиться с дверью минут пятнадцать. В подвал они ввалились уже разозленные и раззадоренные молчаливым сопротивлением здешнего хозяина. А затем как по команде начали обрывать пластиковые панели со стен и сворачивать линолеум с бетонного пола. Тот, у которого торчали черные усики, с удовольствием сдернул с арочного прохода светодиодную гирлянду, и она, мигнув напоследок, потухла.

Тогда только откуда-то сбоку навстречу им выступила тихая фигура Колокольчика с поднятыми кверху руками.

– Э-эй, ты чего? – испугался пожилой – его звали Алексеем Ивановичем, он числился бригадиром участка. – Чего ты барагозишь? Не видишь: люди работают!

Юрка молча смотрел на сломанные панели и порванный линолеум.

– Давай-ка, дядя, выходи отсюда! Не мешай! – продолжил Иванович, к которому вернулась привычная уверенность. – У нас распоряжение такое – убрать нарушение пожарной безопасности в подвале. Твоих ведь рук дело-то?

Колокольчик опустил руки и бесцветные глаза вниз и побрел к выходу. Его тень ненадолго заслонила просвет в искореженной подвальной двери, а затем исчезла. Рабочие в синих спецовках продолжили свое дело, и вскоре наверх полетели стулья из зрительного зала. Они тоже попали под пожарный запрет: все-таки дерево ведь, да еще обтянутое какой-то сине-белой хренью.

– Представляешь, ведь в розыск даже подала Ленка-то – пропал Колокольчик! Ни в квартире, ни в подвале своем любимом не появляется, – говорила Роза Ибрагимовна, потягивая соседский чай.

Мать двоих троюродных братьев подводила полумесяцы бровей и зевала в ответ.

– Каких только дураков земля не рождает! – снова качала головой Ибрагимовна. – Ведь у него, говорят, там даже какой-то «кинотеатр» был! Так мне говорили. Вот что без жены бывает: съезжает крыша у мужиков.

– Тебе что сегодня принести из магазина? – не слушая ее, спрашивала продавщица Света.

– Хлеба да молока. Щас не до печений и кофию – до пенсии бы дожить!

Первая авария в доме случилась года через полтора, как пропал Колокольцев. А затем – пошло-поехало: и горячая вода стала, как парное молоко, – их дом то и дело на обратку переводили. И канализация прохудилась. Потом откуда-то снизу полезли тараканы: Ибрагимовна грешила всё на подвал.

– Там ведь, Свет, такое творится: слякоть одна да вонь. Скоро крысы будут выпрыгивать из унитаза прям, а до этих, из управляющей компании которые, не дозвонишься совсем! – жаловалась на коммунальные проблемы бывшая соседка Юрки.

Еще через два года Ленка с грехом пополам продала квартиру Колокольцева и заплатила космическую сумму набежавшего долга.

Однажды Роза Ибрагимовна, вся запыхавшаяся, ворвалась в квартиру своей соседки и с расширенными от пережитого волнения глазами сообщила:

– Светка, я ведь Колокольцева видала! Вот ей-богу – как живого! Ведь сколько лет-то прошло – пять? Или шесть?

– Ну и что он? – лениво отозвалась Света, у которой сыновья поступили в местный педуниверситет и учились там на твердые тройки.

– Да я откуда знаю? Я его только мельком – полысел совсем. Но все равно я его узнала – точно он, Колокольчик наш! Пакетик какой-то нес, а там – вроде как трубы какие-то, – отвечала Роза Ибрагимовна, торопливо наливая соседский чай.

И пока соседки болтали, на другом конце города Юрка Колокольцев сидел в зрительном зале, который он почти довел до ума. Не все стулья и кресла были в хорошем состоянии, но материал от баннера

он уже припас. Бетонный пол в подвале везде сухой, и новые вентиля краснеют и синеют повсюду.

Бесцветные глаза Колокольчика смотрят на серую стену, по которой плывут перевернутые фигурки людей, птиц и машин. Он вспоминает своего давнего друга Лешку из коррекционного класса, а иногда – любимую Пусю. И сердце его бьется спокойно и размеренно – в унисон с элеваторным сердцем подвального царства. И он размышляет обо всем на свете – воде, струящейся по водоносным сосудам города, трещинках в линолеуме, напоминающих созвездия. Радость стучится в нем, наполняет лысеющую голову, и тогда он тихонько засыпает и видит свои коммунальные сны.

